ОРДЕН КАРТУЗИАНЦЕВ И ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАШЕСКИЕ ТРАДИЦИИ: СОВМЕСТНОСТЬ ОПЫТА, СОВМЕСТНОСТЬ ИДЕАЛА

Я. Кудрон

История

В 1084 г. Бруно Гартенфауст из Кёльна, магистр кафедральной школы в Реймсе, направился с шестью товарищами в епархию Гренобль с просьбой к тамошнему епископу Гуго назначить им место, подходящее для отшельнической жизни. Гуго в ответ поручил им труднодоступную долину Шартрез (La Chartreuse) в Арденах[1]. Там, в крайне неблагоприятных условиях, в узкой долине на высоте 1300 метров над уровнем моря, Бруно со товарищи построили небольшую часовню и несколько жилых помещений, созданных по образу палестинских келий, и стали вести строгую жизнь, посвященную аскезе и созерцанию.

Однако св. Бруно не было дано провести остаток жизни в картузианском уединении: «Весной 1090 г. в Великую Шартрезу прибыл посыльный Папы Римского Урбана II, бывшего ученика Бруно, который призвал Бруно в Рим»[2]. Год спустя будущий святой отказался принять сан епископа Реджио и обратился с просьбой разрешить ему продолжать подвижническую жизнь, на что Папа дал согласие с условием, что новая обитель будет находиться на территории Италии. Таким образом, в 1091 г. в Ла Торре в Калабрии была основана вторая шартреза.

Бруно Кёльнский скончался в 1101 г., окруженный братией в своем монастыре. В соответствии с картузианским обычаем и призванием к полному устранению от мира картузианцы вплоть до XVI в. не ходатайствовали о канонизации своего игумена, и лишь в 1514 г., когда братство обратились к Папе Леону X с просьбой разрешить ордену отмечать праздник Бруно, тот, не внимая каноническим процедурам, силой своего авторитета утвердил почитание, а в 1623 г. Григорий XV причислил Бруно Кёльнского к лику святых.

В 1128 г. игумен Великой Шартрезы Гвиго, как стали именовать эту пустынь, записал все наставления, которые Бруно оставил братьям, создав так называемые Картузианские уставы[3]. Это собрание документов, регулярно пополняемое на протяжении девяти столетий существования ордена, является основой организации картузианцев.

Составленные Гвиго уставы можно определить как компиляцию, или правильнее, антологию подвижнических наставлений, таких значимых монахов, как святые: Венедикт Нурский, Антоний Великий, Василий Великий, Иероним, Пахомий и, прежде всего, Иоанн Кассиан Римлянин[4].

Отметим, что хотя картузианцы с формальной точки зрения принадлежат к ветви венедиктинских орденов в отличие от родственных камальдулов или цистерцианцев, соучаствующих в возрождении монашества в Западной Европе, главной целью картузианцев никогда не являлось обновление венедиктинской обсерванции (общинности). Самые яркие черты их традиции связаны с возвращением к аскетическому образу жизни святых отцов — возвращением в пустынь. Сначала картузианцы добивались полной независимости от Устава св. Венедикта, однако в конце концов Рим признал орден зависимым от него — картузианцы остались общиной *sub regula sancti Benedicti* с соб-

---

[1] *Lockhart R.B.* W pół drogi do nieba / Przeł. Ks.T. Grzesik. Michalineum, Marki, 2001. C. 52. От латинского названия этой долины происходит название ордена, а также обычай называть картузианские обители «шартрезами». — *Я.К.*

[2] Ibid. Перевод цитат здесь и далее автора статьи. — *Я.К.*

[3] Ibid. C. 58

[4] *Lesner W. OCD.* Duchowość kartuska // Najstarsze pisma kartuzów / Wstęp i opr.: R. Witkowski, W. Lesner OCD; Przeł.: R. Witkowski, E. Skibiński, A. Świderkówna, Benedyktyni tynieccy. Kraków 1997. C. 52

ственной *institutio* (Гвиго принял также расписание богослужений, характерное для венедиктинских орденов)[5]. Однако, несмотря на очевидную самостоятельность, трудно оспаривать связи картузианцев с традициями святого из Нурсии.

Орден развивался весьма динамично. Через сто лет после кончины св. Бруно существовали уже 33 шартрезы. Орден, как правило, заботился о том, чтобы количество монахов, живущих в отдельных монастырях, давало общине возможность самостоятельно себя содержать. Чтобы дать описание принятого картузианцами образа жизни, уместно привести цитату XII в. из Петра Досточтимого (Petrus Venerabilis), аббата из Клюни: «Их одежда нищенская и более убогая, чем у других монахов, настолько короткая, рваная и шероховатая, что сам ее вид уже ужасает. Они на голое тело надевают власяницу. Почти беспрестанно постятся, едят лишь хлеб из отрубей, мяса вообще не знают, вне зависимости от того, здоровы они или больны, рыбу не покупают, хотя едят, если им кто-то подарит как милостыню. По понедельникам, средам и пятницам питаются лишь хлебом с водой. У них в день только один прием пищи, исключая Рождество, Воскресение Господне, Епифанию и другие праздники. Их постоянное занятие — это молитва, чтение и ручной труд»[6]. Эту картину дополняет практически беспрестанное пребывание иеромонахов в кельях, а также сосредоточение братии на физическом труде. Это и есть монашеская жизнь в ее чистой форме, последовательно и радикально принимающая вызовы, которые ставит перед ней отшельническое призвание.

На протяжении XIV столетия на территории Европы возникло 105 шартрез. Историки подчеркивают, что уровень обсерванций в картузианских монастырях всегда был действительно образцовым, а суровость их жизни остается неизменной с XI в.[7] Подтверждают эти факты документы и традиция Католической Церкви. Самое красноречивое доказательство такого необычного положения ордена мы находим в словах Папы Иннокентия XI (1676–1689): «Cartusia nunquam reformata quoniam nunquam deformata», что значит: «Шартреза никогда не была реформирована, потому что никогда не подлежала деформации»[8]. За неизменностью аскетической дисциплины и общего уровня монашеской жизни в ордене наблюдал созываемый ежегодно Генеральный капитул; существовал также обычай частых посещений отдельных обителей ордена с проверкой и чрезвычайно ригористический процесс набора новых членов[9].

В начале XVI в. существовало уже 196 шартрезы, но, к сожалению, религиозные и общественно-политические волнения периода Реформации, характерные для этого столетия, стали началом поистине трагической для картузианцев эпохи[10]. Орден неоднократно при драматических обстоятельствах лишился 44-х монастырей; в 1562 г. гугеноты разрушили Великую Шартрезу. Около 50-ти картузианцев приняли мученическую смерть, при этом 18 из них были убиты в Англии крайне жестоким образом[11].

Самопожертвование, пример которого христианам впервые дал Сам Христос, всегда было свидетельством высочайшей преданности вере. Однако можно сказать, что свидетельство крови картузианских монахов является особенным, исключительным, поскольку оно было явлено лишь в XVI в., в эпоху упадка и секуляризации монашеских идеалов. Основным постулатом активистов и сторонников Реформации была критика деморализации духовенства — порока, по всей видимости, касающегося представителей многих орденов (согласно мнению многочисленных историков картузианцы никогда не принадлежали к этой группе).

В XVII в. был построен 21 новый монастырь ордена, и монашескую жизнь удалось стабилизировать (численность картузианцев достигла тогда 2300 монахов-отцов, 1500 братьев и 120 монахинь)[12]. Орден расцветал, но период религиозной свободы и мира неизбежно подходил к концу.

---

[5] Ibid.

[6] Цит. по: *Lockhart R.B.* Op. cit. S. 60 (автор не называет источника цитаты).

[7] *Brooke Ch.* Europa średniowieczna 962–1154 / Przeł. J. Marzęcki. Warszawa, 2001. C. 318.

[8] Цит по: *Witkowski R.* Wstęp... // Najstarsze pisma kartuzów... Op. cit. C. 19

[9] *Lesner W. OCD.* Duchowość kartuska... Op. cit. C. 61, 93–103.

[10] Witkowski R. Wstęp... Op. cit. C. 19.

[11] *Lockhart R.B.* Op. cit. C. 61–66.

[12] Ibid. C. 68.

В 1782 г. император Иосиф II издал декрет о секуляризации орденов в Австрии; 23 шартрезы были тогда ликвидированы. Вследствие кровавых событий Великой французской революции прекратили существование 82 монастыря. Очередные 32 шартрезы стали жертвой наполеоновских войн. В XIX в. на территории Испании и Португалии было закрыто, соответственно, 16 и 13 обителей. В объединяющейся Италии картузианцы потеряли 13 пустынь. Следует добавить, что XVIII столетие было единственным в истории, когда не было построено ни одной шартрезы. В XIX в. орден открыл 6 монастырей, а в XX очередные 7, в том числе шартрезы в США и Южной Корее[13].

Духовность

Картузианцы занимают особое и важное место в Римо-Католической Церкви, так как их орден является образцом ортодоксальной монашеской традиции, верной святоотеческим наставлениям, вследствие чего — самой близкой православному монашеству. На протяжении столетий многие римские папы высказывались о картузианцах неизменно с глубочайшим уважением, неоднократно присуждая им первое место среди монашеских орденов Церкви. Приведем слова Папы Иоанна XXII (1316–1334): «Великие чудеса в этом мире: люди, живущие в теле, но и вне тела; ангелы мира, представители святого Иоанна Предтечи, живущего на пустыре; великолепнейшее украшение Церкви, орлы, взлетающие в небеса, которые по праву превосходят все другие ордены, сердце Церкви. Это самый совершенный образец покаянной и созерцательной жизни»[14].

«Здесь появляется око, мягкий взгляд которого ранит любовью Невесту, око чистое и прозрачное, которое позволяет увидеть Бога»[15] — такими словами в Уставе ордена картузианцев описывается духовная атмосфера шартрезы. Эти слова объясняют также и смысл призвания и жизни картузианских монахов, которые «...как духовные потомки первых христиан и Отцов пустыни, уже свыше 900 лет ведут жизнь, опираясь на то, что было первоначально, неустанно созерцая Бога, в объятиях которого очутились, молясь и воссылая Ему славу»[16].

Св. Бруно основал орден картузианцев в эпоху чрезвычайно динамического развития монашеской жизни. В 1084 г. существовало уже относительно много отшельнических общин, однако Бруно решил создать новый орден: «Пораженный духовностью христианского Востока, Бруно обратился за идеалом, предлагаемым наследием палестинских и египетских анахоретов. Образ их жизни интенсивно формировал черты духовности ордена... В картезианской жизни много “восточных” акцентов, но также достаточно и традиций западного монашества... Именно такое гармоничное соединение богатств духовности всего христианства является характерной чертой монахов святого Бруно»[17]. Картузианцев с православными монахами сближает также ревностное почитание св. Иоанна Предтечи, являющегося, кроме того, и покровителем ордена: «Наши предки окружали Предтечу великим почетом — сразу же после Божией Матери. Поэтому он единственный святой, упомянутый в формуле наших монашеских обетов»[18].

Основные элементы духовной жизни картузианцев сходны с принципами, общепринятыми в монашестве: уединение, повиновение, нищета, чистота, воздержание, аскеза и прежде всего молитва; они представляют собой уровень монашеской жизни и духовности. Картузианцы отличаются интенсивностью и высокой ревностью в реализации этих идеалов.

Отшельнический образ картузианской жизни выражается и в архитектурной организации монастырей ордена, состоящих из нескольких монашеских жилищ, расположенных вблизи храма, и хозяйственных сооружений; вся территория обне-

[13] *Witkowski R.* Wstęp... Op. cit. C. 19; см.: http://www.chartreux.org/ — информацию о монастырях картузианцев

[14] Цит. по: *Lockhart R.B.* Op. cit. C. 58 (источник цитаты отсутствует).

[15] Statuty Zakonu Kartuzów 1.6.16. Цит. по: Rana miłości. Konferencje kartuskie / Przekł.: T. Lubowiecka, M. Sokalski. Kraków, 2004. C. 7 (анонимные авторы). Полный текст картезианских уставов на английском языке см. на сайте ордена под датой 01.04.2009: http://www.chartreux.org/

[16] *Lockahrt R.B.* W pół drogi do nieba. C. 15.

[17] *Lesner W. OCD.* Duchowość kartuska // Najstarsze pisma kartuzów. C. 50.

[18] *Mnich Zakonu Kartuzów.* Szkoła ciszy / Przekł.: Zofia Pająk. Kraków, 2007. C. 9.

сена монастырской стеной, а часто и лесозащитной полосой, отделяющей монахов от внешнего мира и обеспечивающей тишину и затворническую обстановку.

Келья картузианского монаха — это центр его жизни (ее нельзя покидать без разрешения настоятеля). Келья является материальным пространством для реализации отшельнического призвания, местом молитвы, работы, чтения, занятий, а также, за исключением нескольких дней в году, местом приема пищи.

Картузианская духовность — это духовность личного приобщения к Богу. Как пишет анонимный монах, «*Главное занятие жителя кельи — это Господь*»[19]. Картузианец ежедневно много часов уделяет молитве, стараясь также и другим своим занятиям придавать значение молитвы. Известно также, что в шартрезе практикуется Иисусова молитва, которая в восточной традиции является упражнением к достижению состояния непрерывной молитвы[20]. Последователи св. Бруно неутомимо стремятся к этой духовной вершине, указанной святыми отцами.

Хотя картузианцы — верные подражатели первых христианских монахов и в их наследии обильно черпают духовный опыт, но не следует забывать, что они также являются создателями собственной традиции созерцательной жизни. Среди картузианцев много старцев — учителей духовной жизни. Их наследие анонимно (они традиционно обозначают свои творения подписью «Монах Ордена Картузианцев»), а их имена могут быть открыты лишь после смерти[21]. Такая анонимность проявляется во многих элементах жизни ордена, в том числе в ритуале похорон: картузианцев хоронят в рясах непосредственно в землю; на месте их последнего пристанища ставят обычный безымянный деревянный крест[22].

В объеме краткой статьи не представляется возможным привести даже самые яркие примеры картузианской литературы; достаточно указать на творчество самого плодовитого из авторов, жившего в XV в., — Дионисия Картузианца, — которому пожаловано звание *Doctor Ecstaticus* (его наследие насчитывает 42 т. по 700 страниц каждый)[23].

«Предвкусить» этот духовный пир мы можем посредством «*Письма о созерцательной жизни*», известным как «*Scala claustrianum*», «*Лествица к небеси*», написанным Гвиго II, одним из первых игуменов Великой Шартрезы.

Это произведение представляет собой свидетельство опытного аскета о четырех ступенях молитвенной жизни: чтение (*lectio*), размышление (*meditatio*), молитва (*oratio*) и созерцание (*contemplatio*)[24]. Это путь, ведущий от человеческой активности к Божьему промыслу: «По этой лестнице монахи поднимаются к небу, а самой высокой её ступенью является угощение вечной сладкой радостью»[25]. По всей видимости, мы можем наблюдать здесь эхо православного учения об обожении. Этот короткий текст дает представление о внутреннем подвиге, который должен предпринять каждый картузианец, а также и о его невыразимой цели. В этом и заключается истинное изложение картузианской жизни.

Большое значение для нас может иметь отношение картузианцев к некоторым западным богословским вопросам, являющимся во многих случаях причиной конфликтов между православием и католицизмом. «Картузианские авторы сознательно отреклись от общепринятого в XV и XVI вв. схоластического, систематического богословия и занимались “богословием мистическим”. Опиралось оно на личный, индивидуальный опыт, обретаемый посредством молитвы и созерцания Бога... Истоки для такого “мистического богословия” картузианцы искали в древнехристианских сочинениях монашеской традиции»[26].

Картузианцы сознательно отреклись от участия в оживленных средневековых философско-теологи-

[19] Rana miłości... Op. cit. C. 233.

[20] *Lockhart R.B.* Op. cit. C. 37.

[21] Ibid. C. 71.

[22] Ibid. C. 143.

[23] Ibid. C. 70.

[24] *Guigo II.* List o życiu kontemplacyjnym // Najstarsze pisma kartuzów... Op. cit. C. 258.

[25] Ibid.

[26] Lorenz S. *Kartuzi i studium* // *Kartuzi.* Teksty, książki, biblioteki: Materiały międzynarodowej konferencji w Warszawie, wrzesień 1996. Warszawa, 1999. C. 21.

ческих дискуссиях, оатваясь в стороне от главного движения публичной деятельности, даже в такой области, как духовная литература. Хотя многие из них, несомненно, имели определенные склонности, благодаря которым могли бы занимать высокие и влиятельные позиции в своей среде, однако они предпочитали пустынническое спокойствие — не соглашались на участие в светской жизни; и хотя многие профессора стали картузианцами, ни один картузианец никогда не мог стать профессором, преподавающим в университетах[27].

Стоит прислушаться ко мнению самих картузианцев, говорящих о своей духовной традиции, о том, как они понимают и формируют свою внутреннюю жизнь. Благодаря этому мы сможем сравнить доктрину картузианского ордена с православной картиной аскезы и оценить, в какой степени они совпадают.

Первый пункт, который должен стать предметом рассмотрения — это самосознание картузианских монахов, их представление о монашеском призвании, его месте в мире, в Церкви. Это специфическое антропологическое видение, уходящее корнями в христианское учение о сотворении и спасении человеческого рода в Иисусе Христе: «Дары, предназначенные человеческой сущности Господа нашего, благодаря Его любви к человеку, принадлежат также всем нам»[28]. Принятие веры и призвания к внутренней жизни означает подлинное соединение с Богом: «*Мы христиане, поэтому все мы "христосы"*»[29].

Крайне важную роль в картузианском самосознании играет понимание пневмы: «*Мы действительно "христофорес" — носители Бога, в полном значении этого слова*»[30]. Читатель, знакомый с православной традицией монашеской жизни, несомненно заметит здесь близкое сходство с древним учением о святых отцах-богоносцах.

Важная особенность картузианской миссии — полное отлучение от внешнего мира, исключающее почти все контакты с людьми вне монастыря. Требование радикальной изоляции полностью прекращает возможность практики духовного наставничества, что, без сомнения, противоречит православным обычаям, где духовное отцовство является одной из основных устоев научения монашескому деланию, выражает сочувствие и милосердие людям, ищущим утешения. Несмотря на это, картузианцы не воспринимают своего одиночества как закрытость для нужд ближних. Их молитвы и покаяние — дар для мира: «Внешняя деятельность касается лишь внешней жизни человека; внутренние акты милосердия передают жизнь и утешение бесчисленным душам. Материальная милостыня имеет ограниченое воздействие, но милостыня созерцательных монахов не имеет ограничений ни во времени ни в пространстве»[31]. Духовный человек оказывает духовное утешение, а «призвание картузианцев — это призвание утешителей»[32].

В картузианской духовности чрезвычайно ярко выражена святоотеческая черта и истинно исихастский характер великой традиции шартрезы: обращаясь к сочинениям Иоанна Кассиана Римлянина, картузианцы все время стараются приобрести и защитить *puritas cordis* і *virginitas mentis*[33] — чистоту сердца и девственность ума. Эта общность духовного опыта картузианцев и восточных монахов является свидетельством верности святоотеческим идеалам, так дорогим всем христианским монахам.

Между картузианской и православной традициями внутренней молитвы также можно найти многие аналогии. Современный анонимный картузианский монах так пишет об этом: «Вот сущность каждой постоянной и глубокой молитвы. Вместо того, чтобы разбивать наши мысли на отдельные пункты, вместо того, чтобы философствовать о Боге, умножая усилия ума, воли и воображения, дабы возникли в нас какие-либо образы и сцены, мы можем идти к Богу с открытым сердцем... У кого-то могут быть возражения относительно нашего метода, что он якобы ограничивает работу воображения. Действительно, мы хотим

---

[27] Ibid. C. 22.

[28] *Mnich Zakonu Kartuzów*. Szkoła ciszy... Op. cit. C. 19.

[29] Ibid. C. 24

[30] *Mnich Kartuski*. Miłość i milczenie / Przeł.: S. Sztuka OSB. Kraków 2008. C. 25.

[31] *Mnich Zakonu Kartuzów*. Szkoła ciszy... Op. cit. C. 31.

[32] Ibid. C. 76.

[33] *Bednarz M.B*. Milczenie pustyni: Eremicki ideał kartuzów. Kraków, 2003. C. 54–57.

уменьшить его роль до необходимого минимума. Работа воображения — это чисто человеческая активность и как таковая не является молитвой... Воображение неспособно добраться до сверхъестественного бытия, доступных лишь вере»[34]. Опора исключительно на веру и забота о постоянном пребывании в присутствии Бога — это то, что позволяет говорить о картузианской молитве как об истинно православной.

Основные принципы исихастской духовности — молчание и душевный покой, которые являются также основой отшельнического образа жизни картузианцев, призванных жить в невозмутимой, созерцательной тишине, которая есть «спокойное слушание сердцем, позволяющее Богу пройти сквозь все двери... Тишина заключается в том, чтобы разрешить Богу высказать внутри нас Слово, равное Ему»[35].

Тишина в шартрезе вездесуща как в физическом, так и в духовном измерении. Она заключается как в собственном молчании монаха, так и в тишине его окружения. Отсутствие «материальных» звуков позволяет человеку освободиться от стесняющих его чувств и сердцем слышать духовный голос Бога. Картузианцы ценят тишину и молчание гораздо больше, чем человеческие слова, об этом красноречиво свидетельствует обычай заменять проповедь во время Литургии долгим молчанием. Последователи святого Бруно хорошо понимают, что это самый лучший комментарий к услышанным словам Священного Писания[36].

Атмосферу тишины шартрезы формируют также отличающиеся скромностью и простотой литургические обряды: «Сравнивая с другими монастырскими литургиями средневекового происхождения, на пример, литургей из Клюни,.. можно заметить, что картузианская литургия отличается простотой, вытекающая из отшельнического характера ордена, которому чужд всякий блеск»[37]. Аскетическая бедность Литургии, несомненно, является элементом чуждым православной традиции, где божественная служба характеризуется великолепием и своего рода размахом. Западное средневековое монашество следовало другим принципам, ища евангельскую нищету и простоту также в этой области, примером чего могут служить члены ордена камальдулов, которые полностью отказались от музыки и пения. Однако картузианцы высоко ценили григорианский хорал: «Картузианцы понимали пение как особенную форму почитания Бога, высвобождающую великую духовную силу в людях»[38]. Однако их уставы никогда не разрешали полифонического пения и не позволяли пользоваться музыкальными инструментами[39].

В том, насколько велико значение тишины для картузианских монастырей, можно убедиться, посмотрев фильм Филиппа Гронинга «Великое безмолвие», который режиссер снабдил эпиграфом: «*Только в бесконечной тишине можно услышать, только там, где нет слов, можно увидеть*»[40]. О картузианцах как безмолвствующих свидетельствовал также митрополит Антоний Сурожский, называя их «западными молчальниками»[41].

Восточные мастера исихастской духовности, описывая свой опыт, отмечают, что вершиной мистической жизни является *theosis* — обожение, обновление телесной и духовной природы человека в Боге. Такое обновление приводит к оздоровлению всей дуалистической — телесно-духовной природы человека. Существуют свидетельства, что святой Бруно достиг такого состояния: «*Свидетели говорят нам, как внутренний огонь усиливался больше и больше в сердце святого Бруно, а повторяемый им беспрестанно вздох "О, доброта!" стал дыханием*

---

[34] *Mnich Kartuski*. Miłość i milczenie / Przeł.: S. Sztuka OSB. Kraków, 2008. C. 26, 32.

[35] Rana miłości... Op. cit. C. 83–84.

[36] *Lesner W. OCD*. Duchowość kartuska... Op. cit. C. 56.

[37] *Carol Steyn*. The principle of Simplicity (Einfachheitsprinzip) in Carthusian Chant as Expression of the Carthusian Way of Life: Musicology Survey // The mystical tradition and the carthusians / Ed. by J. Hogg. Vol. 3. Salzburg, Austria, 1995. S. 157.

[38] *Carol Steyn*. Op. cit. C. 157.

[39] Ibid. C. 166–167.

[40] *Gröning Ph. Die Grosse Stille*, Великое безмолвие. Производство Германии, Франции, Швейцарии, 2005. См. фильм под датой 01.04.2009 по интернет-доступу: http://www.diegrossestille.de

[41] *Антоний Сурожский*. Предисловие // *Мень А*. Трудный путь к диалогу — адрес интернет-доступа: http://www.alexandr-men.ru/books/trudnput/predisl.html

его души; его товарищи чувствовали, что это ритм его сердца, ***живущего для Бога****. Говорят, что он сиял, словно солнце средь звёзд»*[42].

Прочные связи картузианцев с древней аскетической традицией и многие сходства с духовным опытом православия, а также особенно важное положение, занимаемое орденом в Римо-Католической Церкви, позволяют усмотреть в картузианцах символ общности идеала христианского монашества. Великолепной демонстрацией жажды этого единства является Символ веры, произнесенный св. Бруно на смертном одре. Согласно традиции он произнес формулу Символа веры, одобренную на синоде в Толедо в 675 г., в которой отсутствует *filioque* — причина спора между католицизмом и православием[43]. Таким образом, в момент смерти святой продемонстрировал принадлежность свою и своих наследников о Вселенской Церкви.

© Кудрон Я., 2009

[42] Living for God. The Carthusian Order; English Province, 1985. C. 9.

[43] *Witkowski R.* Wyznanie wiary: Wprowadzenie // Najstarsze pisma kartuzów... Op. cit. C. 206.